

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'27
ББК ШП41.12-003

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.29

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Н. В. Багичева
Екатеринбург, Россия,

Т. А. Чикаева
Москва, Россия

АРХЕТИП СЯТОЙ РУСИ В РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

АННОТАЦИЯ. Статья является результатом совместных наблюдений философа и лингвиста над современным состоянием базисных архетипов, лежащих в фундаменте понимания образа Родины в русском национальном менталитете. Таковыми архетипами, по мнению авторов, являются архетипы «Родина-мать», «Мать сыра земля» и «Святая Русь». Изучение лингвистического материала различных интернет-сайтов и форумов привело к выводу, что архетип «Родина-мать» в настоящее время претерпевает некое искажение в силу сложившихся социально-экономических условий. В данной статье предпринимается попытка зафиксировать устойчивость/изменяемость архетипа «святотрусскости». Архетип Святой Руси рассматривается в лингвофилологическом аспекте; указывается его тесная связь с православием и архетипами «Родина-мать» и «Мать сыра земля», что подтверждается текстами древнейших жанров: духовных стихов и былин. Отмечена двойственная сущность архетипа Святой Руси: духовная и социальная (светская) формы его существования. Проводится анализ философских, филологических и некоторых историкофилософских теоретических трудов данной тематики, лексикографических источников. Отмечается, что философский и современные лингвистические словари связывают понятие «святости» прежде всего с православием; подобной корреляции не наблюдается у представителей молодого поколения носителей языка, которые определяют «святую» как «лучшую», «священную» и пр. Делается вывод о разрушении архетипа в социальной (светской) реальности, рассматриваются экстралингвистические причины разрушения архетипа, среди которых называются рационализм и прагматизм современной личности и утрата понимания Родины как духовного объекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архетипы; русский менталитет; православие; Родина-мать; Мать сыра земля; Святая Русь; патриотизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Багичева Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 167; e-mail: espoir17@mail.ru.

Чикаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, Московский художественно-промышленный институт; 127006, Россия, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 14, стр. 4; e-mail: umoi@rambler.ru.

В фундаменте образа Родины в русском национальном менталитете лежат архетипы «Родина-мать», или «Мать сыра земля», «Матушка-Русь» и «Святая Русь». Естественно предположить, опираясь на древние источники, что образ Родины ментально был «замешан» на единстве этих понятий: *И то было у нас на сырой земле, На сырой земле, на Святой Руси; Святая Русь-земля всем землям мати: На ней строят церкви апостольские; Они молятся Богу распятому, Самому Христу, Царю Небесному, — Потому свято-Русь-земля всем землям мати* [Лепяхин 2005].

В статье «„Свиток, на котором отмечены все тайны бытия“: архетипы Родины-Матери в русском менталитете» нами была предпринята попытка объяснить устойчивость и изменяемость во времени архетипов «Родина-мать» и «Мать сыра земля» в лингвофилологическом аспекте [Багичева, Чикаева 2017]. Для анализа привлекались философские и филологические теоретические труды, тексты художественной литературы и фольклора, а также материалы различных интернет-сайтов и форумов. Мы заметили некое искажение архетипа, лежащего в основе метафорического образа Родины. Причину этого явления нашли в том факте, что русский менталитет различает Родину как страну и Родину как

государство, именно это и объясняет отрицательную коннотацию метафор Родины, основанных на терминах некровного юридического родства, используемых для характеристики государства: *мачехи, тёщи, свекрови, тётки* [Багичева, Чикаева 2017].

В этой статье мы хотели бы рассмотреть архетип «святотрусскости», который, в силу своей высокой коннотации и поэтичности, не мог не привлечь внимание философа и лингвиста, изучающих понятия, лежащие в основе метафорического образа Родины. Нашим изысканиям созвучно мнение профессора русской литературы Университета штата Нью-Йорк князя Александра Оболенского: «Выражение „Святая Русь“ входит в число таких, которые имеют какую-то магическую власть над умами. У пишущего об этом создается впечатление, что он соприкасается с темой, к которой нельзя подходить с обычной трезвой оценкой, с темой, где сочетаются два плана — внутренний и внешний, духовный и социальный» [Оболенский 1994]. В своих рассуждениях мы попытаемся не затрагивать религиозную подоплеку вопроса, насколько это возможно.

Понятие *Святая Русь* в «долитературной» своей жизни существовало не только в православных текстах, но и в былинах и духовных стихах. Православный философ и

искусствовед В. Лепахин отмечает: «Святая Русь появляется в древнерусской литературе еще в былинах, т. е. в одном из древнейших жанров. ...Русские богатыри в былинах и защитники Руси в духовных стихах часто называются *светорусскими* или *святорусскими*. ...Святая Русь, условно говоря, изображается в стихе „ровесницей“ раю, она возникает сразу вслед за раем (может быть, вместе с ним) и где-то близко от него, к тому же в тот период, когда географическая Русь еще не существует» [Лепахин 2005]. Философом делается поправка к написанию этого словосочетания, что связывается им с духовной ипостасью существования понятия: «В подавляющей части книг и статей о Святой Руси слово „святой“ в этом словосочетании пишется с маленькой буквы. То же правописание настойчиво предлагается в записях и публикациях фольклора. Мы считаем, что это вопрос принципиальный, и оба слова следует писать с большой буквы. Если мы пишем слово „святой“ со строчной, то тем самым подчеркиваем претензию страны на именование себя *святой* в прямом смысле. Однако такой претензии в словосочетании нет. Написание слова „Святой“ с прописной, заглавной буквы указывает на устойчивость и единство этого словосочетания, на его поэтический характер, идеальность и мистическое содержание, на его динамичность, неопределимость, невозможность привязать его к какому-либо точному географическому, пространственному местоположению, наконец, на невозможность ограничить его и временными рамками. ...Итак, „святая Русь“ может быть только на Руси, а „Святая Русь“ — повсюду, где русским духом пахнет» [Лепахин 2005]. Энциклопедия «Русская цивилизация» толкует данное понятие аналогично: «Святая Русь — особое благодатное свойство русского народа, сделавшее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству сделали русских новым Богом избранным народом» [Платонов 2000]. Созвучны этому пониманию «освященные немеркнущим светом религиозного сознания» стихотворные строки поэта-символиста Ф. Сологуба: *Я вышел в ратное поле, / Сражаюсь за Святую Русь. / Вся жизнь моя в Божьей воле, / И я ничего не боюсь* (Ф. Сологуб. Война. 1915).

«Начиная с Н. М. Карамзина, — как свидетельствует православный историк Ф. Гайда, — „Святая Русь“ понималась как наиболее возвышенное именование Отечества» [Гайда 2013]. Метафорически сущность понятия «Святая Русь», на наш взгляд, смог пре-

красно выразить И. Бунин — это «дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой» («Окаянные дни»). Поскольку высокая стиливая окраска присуща этому выражению с момента его появления, то логично предположить наличие большого количества лирических стихотворений русских поэтов о Родине. Ни одна статья о Святой Руси не обходится без цитирования строк В. А. Жуковского «*О родина святая! Какое сердце не дрожит, / Тебя благословляя!*» («Певец во стане русских воинов») и А. С. Пушкина «*Святая Русь, отечество! Я твой! / Чужбины прах с презреньем отряхну / С моих одежд...*» («Борис Годунов»). Тема Святой Руси находит отражение у Ф. Сологуба («Война»), И. Козлова («Пленный грек в темнице»), А. С. Хомякова («России»), М. Волошина («Святая Русь»), Н. Клюева («Погорельщина»), И. Северянина («Моя Россия»), В. Иванова («Милость мира»), С. Есенина («Гой ты, Русь, моя родная...») и др.

Мы не первые в истории России, у кого появилось стремление уяснить для себя, что происходит в нашем сознании с древнейшими архетипами, как меняется наше отношение к тому, что прежде вообще не подвергалось никакой ревизии. Слова, которые мы процитируем сейчас, удивляют современным звучанием, но принадлежат они жившему и творившему в XIX в. поэту В. А. Жуковскому: «*Святая Русь! Какое глубокое значение получает это слово теперь, когда видим, как все кругом нас валится, единственно от того, что оторвался от него этот общий знаменатель, к которому нельзя уже теперь привести этих мелких, разнородных дробей, ничего целого не составляющих. Святое утрачено; крепкий цемент, соединивший так твердо камни векового здания, по плану Промысла построенного, исчез, мало-помалу уничтоженный едкою деятельностью ума человеческого. Что воздвигнется и может ли что воздвигнуться на этой груде развалин — мы знать и предвидеть не можем. Между тем наша звезда, Святая Русь, сияет высоко, сияет в стороне!*» (В. А. Жуковский, 1848) [Цит. по: Киселев, Владимирова 2014: 114].

Мы также переживаем время, когда «все кругом нас валится», поэтому хочется уяснить, возможно ли возрождение «на этой груде развалин».

Прежде необходимо разобраться, что представляет из себя таящаяся в глубинах русской ментальности «Святая Русь».

Для постановки проблемы предоставим слово философу, который считает, что в менталитете современных россиян архетип «Святая Русь» претерпевает изменения. Рационализм и прагматизм, которые стали основными факторами окружающей личностности среды, затрудняют понимание содержания категории «святой». Данное понятие нередко используется в контексте, который не только искажает, но и прямо отрицает его смысл, связывая данное понятие с материальными аспектами (достаточно вспомнить торговую марку питьевой воды «Святой источник»), приравнивая понятие «святой» к другим характеристикам, означающим качество товара. Не стоит удивляться тому, что для определенного числа соотечественников понятие «Святая Русь» есть только некий товарный знак, бренд России в мире культуры. Возникает ситуация, о которой говорил И. А. Ильин, описывающий человека, еще не обретшего Родину в акте духовного самосовершенствования и не испытывавшего духовную близость с ней. Такой человек является патриотом по привычке, «любовь к родине живет... в виде неразумной предметно неопределенной склонности... Человек, скрывающий в себе такой патриотизм, не знает — ни того, что он любит, ни того, за что он это любит» [Ильин 1995: 318].

Не понимая сущности понятия «святой», наши современники отождествляют его с понятиями, обозначающими качество, идеальность объекта. Понятие «святой» ассоциируется с понятием «лучший», «образцовый», «качественный». Внедряется мысль о том, что Святая Русь — лучшая, идеальная страна, патриоты которой могут и должны получить максимум и всё лучшее. В этот перечень лучшего входят не только и не столько духовные объекты, сколько материальные. Не получая желаемого, человек начинает сомневаться в святости Руси, готов называть Россию уничижительными именами, отказать ей не только в святости, но и в ценности вообще, что повторяет события 1917 г., когда, по свидетельству М. Волошина, «и Родину народ сам выволок на гноище, как падаль» [Нарочницкая 2003: 12].

Усугубляющим фактором данной деформации является то, что нередко атрибуты, неотъемлемые черты Родины переносятся на ее образы, одним из которых является государство. В этом варианте противоречие между ожидаемым и действительным, как правило, еще нагляднее. В результате понятие «Святая Русь» воспринимается как откровенная насмешка, как индульгенция чиновникам всех рангов и вызывает отторжение. Сужение понятия Родины до госу-

дарства, т. е., по выражению И. А. Ильина, ее «положительно-правовой формы» [Ильин 1995: 331], обуславливает скепсис в восприятии и оценке Святой Руси.

Отношение к Родине как к святыне подменяется отношением к ней как партнеру: она, по определению И. И. Сandomирской, «коммерциализируется и медиализируется» [Сandomирская 2001: 22].

С развитием гражданского общества и в русской культурной среде возникает, что отмечает С. Г. Воркачев, новая гражданская личность, которая строит взаимоотношения с Родиной на договорных, рациональных основаниях. «Родина гарантирует человеку его гражданские права у себя дома и защиту за рубежом, а человек заимобразно берет на себя обязательства эту Родину защищать и быть ей лояльным — по сути это уже не любовь, а хорошие отношения» [Воркачев 2015: 118]. Место почитаемой святыни занимает сторона договора, отношение к которой зависит от выполнения ожиданий другой стороны. Реализуется принцип «где хорошо, там и Родина».

Другим вариантом искажения понятия «святой» является подмена его понятием «исключительный». Полное или практически полное отсутствие в иных национальных культурах понятий, аналогичных понятию «Святая Русь», например, «Святая Франция», «Святые США», «Святой Китай», приводит к тому, что понимание Родины как святыни рассматривается в качестве инструмента исключения России из мирового сообщества, противопоставления русской и мировой культуры. Наиболее ярко данная позиция представлена в исследованиях И. И. Сandomирской, которая в святости Родины, Руси для русского человека видит разработку и поддержку мифа о собственной уникальности, неприятие ничего извне, идентификацию всех других в качестве врагов [Сandomирская 2004: 17]. *Святая Русь*, следовательно, символ противостояния России и мира, символ русского национализма и ксенофобии, препятствие на пути к благам цивилизации, реализации прав и интересов личности. С этим согласуется вывод В. А. Пьецуха о том, что российский «патриотизм — это от бедности да еще от обиды на нашу геополитическую судьбу» [Пьецух 2006: 598]. Нет ничего удивительно в том, что недоверие, ирония в отношении понятия «Святая Русь» нарастает, а определенная часть носителей русского менталитета видит в нем символ квасного патриотизма и шовинизма, неприемлемых для современного культурного человека.

Важным аспектом искажения в современном русском менталитете архетипа Свя-

той Руси является деформация архетипа Родины-матери и замены его архетипами свекрови, тещи [Багичева 2017: 5—8]. Если мать для человека свята, а любовь ребенка к матери есть одновременно и забота, и жалость, и гордость, которая не закрывает глаза на недостатки, но никогда не сомневается в том, что данная любовь оправдана и необходима, то отношение к теще или к свекрови определяется исходя из конкретных обстоятельств. Если любовь к матери целостна, то тещу или свекровь можно любить за что-то одно и не любить за другое, в отличие от матери, они заслуживают или не заслуживают почитания. Святость Родины означает понимание ее в качестве интуитивно раскрываемой для себя человеком истины, в которой не может быть даже самой малой доли лжи и заблуждения. *Родина-теща* или *Родина-свекровь*, в отличие от *Родины-матери*, не являются источником жизни, их появление — следствие осознанных действий человека, отношение к ним связывается не только с их качествами, но и с собственной характеристикой тех, для кого это *Родина-мать*. Теща или свекровь могут перестать быть таковыми, у человека может появиться новая теща или свекровь, сдержанное отношение или даже неприязнь к ним не рассматриваются как грех или предательство. *Родина-теща* или *Родина-свекровь* не единична, оценивается не интуицией, а только эмоционально и рационально, поэтому святыней быть не может.

Лингвисту же хочется при анализе привлечь и лингвистический, и экстралингвистический материал. И здесь не обойтись без толкования слова «святой» в различных словарях, прежде всего потому, что, как было сказано выше, значение прилагательного «святой» понимается нашими современниками безотносительно к значению омонимичного существительного. Из 96 опрошенных нами студентов 1 курса ни один не провел такой параллели. Все отвечали, что «святой» — это «священный», «который самый лучший», «светлый», «любимый» и пр.

Итак, «Философский словарь» дает следующее определение: «Абсолютно чистый, совершенный. Образец святости дан жизнью Христа. В более широком смысле мы называем святыми тех усопших, кому уже уготовано небесное блаженство»; «в этике святость — нравственная чистота, моральное совершенство, праведность» [Философский словарь].

Все лингвистические толковые словари первое значение слова «святой» связывают с православием: «Святой — духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный;

все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный» [Даль 2015].

Словарь Д. Н. Ушакова первичным дает следующее значение: «(святой церк., устар.) 1. В религиозных представлениях — обладающий абсолютным совершенством и чистотой, божественный (религ.)» И вторичным: «7. перен. Проникнутый чем-н. высоким, возвышенный, идеальный (поэт., устар.). // Глубоко чтимый, дорогой, заветный, любимый (книжн. торж.)». В качестве иллюстрации к последнему предлагаются упомянутые нами выше стихотворные строки В. А. Жуковского и — идеологически выверенная! — цитата Молотова: «Защита социалистического отечества — святая обязанность трудящихся» [Толковый словарь русского языка. Т. 4: 110]. Фразеологическое выражение «Святая Русь» толкуется как «название Руси, России (нар.-поэт., ритор.)» [Там же].

Словарь С. И. Ожегова толкует слово аналогичным образом: «Святой — 1. В религиозных представлениях: обладающий божественной благодатью. *С. старец*. *С. источник*. *Святая вода (освящённая)*. 2. Проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный (высок.). *Святая любовь к Родине*» [Ожегов 1972: 560]. Словосочетание «Святая Русь» как фразеологическое наименование или как иллюстрация в словаре не приводится.

Можно также заметить, что значение «проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный» с иллюстрацией «**Святая** любовь к Родине» в словаре С. И. Ожегова находится уже на 2-м месте, а не на 7-м, как в словаре Д. Н. Ушакова. И это объясняется идеологическими особенностями меняющейся политики. Но в любом случае интересующее нас значение, связанное со святой любовью к Родине, фиксируется во всех современных толковых словарях. И школьники заучивают стихи о святой Руси: *Славься, Русь, святая и земная, в бурях бед и в радости побед, / Ты одна на всей земле — родная, и тебя дороже нет* (Р. Казакова. Гимн). А строки комсомольской песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» (И. Шаферан. Комсомольская традиция) прямо заключали в себе схему-инструкцию действий в рамках советского, но якобы уже традиционного («Есть традиция добрая в комсомольской семье») осмысления и представления «символического образа» Родины.

В чем же тогда причина разрушения представления о святости Руси, о котором говорит философ? Почему, действительно,

Интернет изобилует статьями по поводу использования то в Красноярске, то в Туле, то в Рязани, то в Нижнем Новгороде, то еще в каком-то городе России известного плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет» в качестве рекламного листа распродажи обуви, воздушного газового отопления, рыбалки, розыгрыша автомобилей и т. п.? А уж глумливых изображений матери-Родины и вовсе не счесть.

Выскажем предположение о деформации самих явлений, обозначаемых словами «Русь» (название земли/государства) и «святой» (обозначение чего-то «заветного, возвышенного, идеального, проникнутого высокими чувствами» и т. п.).

Для этого разложим сочетание «Святая Русь» на отдельные слова и обратим внимание, как менялись во времени обозначаемые ими реалии и качества.

Упомянутый нами Александр Оболенский, проведя анализ словосочетания «Святая Русь», приходит к неутешительному выводу, что это «явное недоразумение», или *оксюморон* — «сочетание логически несовместимых понятий» [Оболенский 1994]. Разберемся, так ли это. Может быть, дело не в сочетаемости понятий, а в их физическом отсутствии или деформации?

Прежде всего о Руси. Словосочетание «Святая Русь» как название государства встречается, например, в манифесте императора Николая I, изданном в 1848 году по поводу революции во Франции: «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всмогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и не щадя Себя будем в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших» [Иголкин 2006]. Как мы уже отмечали ранее [Багичева 2016], Октябрьская революция «отменила» понятие родины: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии). Не граждане отдельной страны теперь проживали на ее территории, а «работники всемирной великой армии труда» (А. Я. Коц. Интернационал), которым «ничего не жаль» (А. Блок. Двенадцать). Как говорил с невыразимой грустью С. Есенин: «Уж не село, а вся земля им мать» (Русь советская). После революции родина — это «эсесерша — наша мать», «бездомная, гулящая, хмельная» (М. Волошин), «то ли девка, то ли вдова» (А. Платонов. Чевенгур), это «красная голоштанная совдепия». Трудно зажечь ореол святости над таким существом.

О возвращении отечества И. В. Сталин объявит лишь 4 февраля 1931 г. в выступ-

лении на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [Иголкин 2006]. Но это будет уже совсем другая Родина — социалистическая — и совсем другое государство.

После революции, когда церковь была отделена от государства, когда из передних углов в крестьянских избах были сняты иконы, с церковью сброшены кресты, разрушены храмы, само слово «святой» в прежнем его значении становится трудным для понимания. Об этом пронзительно сказал М. Волошин: *Не слышать людей, / Не видеть церквей, / Ни белых монастырей, — Лежит Русь — / Разоренная, Кровавленная, опаленная* («Заклятье о русской земле»). Любое упоминание о святом и святости было вычеркнуто из жизни. В 20-е гг. в связи с введением непрерывной рабочей недели были отменены все религиозные праздники. В это время «Святая Русь лишалась любых святых имен, не только признанных церковью» [Иголкин 2006].

Революционные массы «пальнули пулей в Святую Русь» и пошли вдаль «без имени святого» (А. Блок. Двенадцать). *Святой* осталась свобода («За лучший мир, / За святую свободу») и бой («кровавый, святой и правый») (Г. Кржижановский. Варшавянка). Как стремительно уходила Святая Русь в силу своей идеологической несовместимости с новым режимом, можно проиллюстрировать историей создания песни «Смело мы в бой пойдем». Родившись в окопах Первой мировой войны (*Мы смело в бой пойдём / За Русь Святую / И, как один, прольём / Кровь молодую*), после революции песня стала своеобразным гимном одновременно и белых, и красных. Но только если в белой армии Деникина продолжали петь про Русь Святую, то в Красной армии и петь, и сражаться, и умирать призывали совсем за другое — не за страну, а за новый строй: *Смело мы в бой пойдем / За власть Советов / И как один умрем / В борьбе за это* [Курий 2012]. И это было воистину революционно новым моментом, внедряемым в сознание «товарищей». У прежнего лозунга «За царя, за Родину, за веру», формально сохранившегося в наличии все опорные слова, добавился контекст и подменилось содержание. Вера святая осталась, но эта вера была в дело революции: *С верой святой в наше дело / Дружно сомкнувши ряды, / В битву мы выступим смело / С игом проклятой нужды* (Л. Радин. Смело, товарищи, в ногу).

И царство осталось тоже, но оно стало «царством свободы»: *В царство свободы дорогу / Грудью проложим себе* (там же).

И сегодня, спустя 100 лет после Октябрьской революции, идея возрождения Святой Руси в социальной (светской) ипостаси ее бытийности так и не набрала популярности, о чем свидетельствует, в частности, Интернет. На сочетание «Святая Русь», набранное в поисковой строке, откликаются, как правило, православные сайты и стилизованные под православные одна-две стихотворные строчки песен: *Поднимись, Святая Русь, / Здесь живу я и молюсь, / И любовью был согрет. Православная страна, / Ты Россия — мать моя* (Стас Михайлов); *Россия — Родина святая, / Люблю тебя я всей душой. / Россия — ты обитель рая, / Горжусь Великою страной!* (А. Малышев).

Как отметил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на заседании Высшего церковного Совета Русской православной церкви 29 июня 2015 г., необходимо «изменить мировоззренческую ориентацию всего народа», но это делается «не в одночасье».

Переменить тенденцию к деформации архетипа Святой Руси возможно только в результате ненавязчивого, скрытого по форме патриотического воспитания и образования, которое позволяет человеку самостоятельно, в результате духовного самосовершенствования, открытия для себя таких понятий, как «святость», «дух», «истина», «жизнь», раскрыть понятие Родины как духовного объекта — *Чтоб добрые дела и добрые примеры, / В их древней простоте заветные нам, / Мы цельно передать смогли своим сынам* (П. А. Вяземский).

ЛИТЕРАТУРА

1. Багичева Н. В. «Пальнем-ка пудей в Святую Русь!»: ре-визия образа Родины в пространстве интернета // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21 апр. 2017 г.). — М. : МХПИ, 2017. С. 3—8.
2. Багичева Н. В., Чикаева Т. А. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: архетипы Родины-Матери в русском менталитете // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 34—40.

N. V. Bagicheva
Ekaterinburg, Russia

T. A. Chikayeva
Moscow, Russia

THE ARCHETYPE OF HOLY RUSSIA IN THE RUSSIAN MENTALITY

ABSTRACT. The article is the result of the joint observations of a philosopher and a linguist on the current state of the basic archetypes that lie in the foundation of understanding of the image of the Motherland in the Russian national mentality. Such archetypes, according to the authors, are the archetypes of «Motherland», «Mother Earth» and «Holy Russia». The study of the linguistic material of various Internet sites and forums led to the conclusion that the archetype «Motherland» is currently undergoing some changes due to the current socio-economic conditions. In this article an attempt is made to fix the stability/instability of the archetype «Holy Russia». The archetype of Holy Russia is considered in the linguistic and philosophical aspect; its close connection with Orthodoxy and archetypes «Motherland» and «Mother Earth» is indicated, which is confirmed by the texts of the oldest genres: spiritual verses and epics. The dual essence of the archetype of Holy Russia: spiritual and social (secular) forms of its existence, is noted. The analysis of philosophical, philological and some historiographical theoretical works of this subject, as well as lexicographical material of dictionaries is carried out. It is noted that philosoph-

3. Воркачев С. Г. Идея патриотизма в национальном корпусе русского языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2 (18). С. 114—123.

4. Гайда Ф. Что значит «Святая Русь?» [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2013. 13 авг. URL: <http://www.nsad.ru/articles/chto-znachit-svyataya-rus> (дата обращения: 17.10.2017).

5. Даль В. И. Толковый словарь русского языка : 25 000 сл. — М. : АСТ, 2015. 733 с.

6. Иголкин А. А. Символы исторической памяти на страницах советских газет в 1925—1939 гг. [Электронный ресурс] // Труды Ин-та рос. истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. — М. : Наука, 2006. Вып. 6. URL: <http://ebookiran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=83> (дата обращения: 01.11.2017).

а. Ильин И. А. Родина и мы. — Смоленск : Посох, 1995. 511 с.

7. Киселев В. С., Владимиров Т. Л. Творческая история статьи В. А. Жуковского «Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении „Святая Русь“»: публикация и комментарий // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2014. № 3 (29). С. 109—124.

8. Курий С. Песни революций [Электронный ресурс] // Время Z. 2012. № 2. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/57902/> (дата обращения: 13.11.2017).

9. Лепяхин В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси [Электронный ресурс]. Ч. I // Православие.ru : интернет-журн. 2005. 18 июня. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (дата обращения: 13.11.2017).

10. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. — М. : Междунар. отношения, 2003. 536 с.

11. Оболенский А., кн. Свята ли Русь? [Электронный ресурс] // Новое русское слово. — Нью-Йорк. 1994. 14 окт. С. 33—34. URL: http://krotov.info/lib_min/15_o/bo/lensky.htm (дата обращения: 01.11.2017).

12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 9-е изд., испр. и доп. — М. : Советская энциклопедия, 1972.

13. Платонов О. А. Святая Русь [Электронный ресурс] : энциклопедический слов. русской цивилизации. — Энциклопедия русской цивилизации, 2000. URL: <https://eknigi.org/religija/114051-svyataya-rus-yenciklopedicheskij-slovar-russkoj.html> (дата обращения: 17.10.2017).

14. Пецух В. Низкий жанр. — М. : Зебра Е, 2006. 749 с.

15. Сандомирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. 2004. № 2—3. С. 16—26.

16. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 S.

17. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Русские словари, 1994. 754 с.

18. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9#ixzz4yRKHmPnh (дата обращения: 17.10.2017).

ical and modern linguistic dictionaries connect the concept of «Holiness» first of all with Orthodoxy, such correlation is not observed among the representatives of the younger generation of native speakers, who define «Holy» as «best», «sacred», etc. The conclusion is made about the destruction of the archetype in the social (secular) reality that deals with extralinguistic causes of the destruction of the archetype, among which are rationalism and pragmatism of the modern person and the loss of understanding of the Motherland as a spiritual object.

KEYWORDS: archetypes; Russian mentality; Orthodoxy; Motherland; Mother Earth; Holy Russia; patriotism.

ABOUT THE AUTHORS: Bagicheva Nadezda Vasiljevna, Candidate of Philology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Chikaeva Tat'jana Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, Moscow Art-Industrial Institute, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Bagicheva N. V. «Pal'nem-ka puley v Svyatuyu Rus'!»: reviziya obraza Rodiny v prostranstve interneta // *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovaniye, aktualizatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 21 apr. 2017 g.)*. — M. : MKhPI, 2017. S. 3—8.
2. Bagicheva N. V., Chikaeva T. A. «Svitok, na kotorom otmecheny vse tayny bytiya»: arkhetypy Rodiny-Materi v russkom mentalitete // *Filologicheskii klass*. 2017. № 3 (49). S. 34—40.
3. Vorkachev S. G. Ideya patriotizma v natsional'nom korpusе russkogo yazyka // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2015. № 2 (18). S. 114—123.
4. Gayda F. Chto znachit «Svyataya Rus'»? [Elektronnyy resurs] // *Neskuchnyy sad*. 2013. 13 avg. URL: <http://www.nsad.ru/articles/chto-znachit-svyataya-rus> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
5. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* : 25 000 sl. — M. : AST, 2015. 733 s.
6. Igolkin A. A. Simvoly istoricheskoy pamyati na stranitsakh sovetskikh gazet v 1925—1939 gg. [Elektronnyy resurs] // *Trudy In-ta ros. istorii / Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii ; otv. red. A. N. Sakharov*. — M. : Nauka, 2006. Vyp. 6. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=83> (data obrashcheniya: 01.11.2017).
7. Il'in I. A. *Rodina i my*. — Smolensk : Posokh, 1995. 511 s.
8. Kiselev V. S., Vladimirova T. L. *Tvorcheskaya istoriya stat'i V. A. Zhukovskogo «Pis'mo k kn. P. A. Vyazemskomu o ego stikhotvorenii „Svyataya Rus'“»*: publikatsiya i kommentariy // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*. 2014. № 3 (29). S. 109—124.
9. Kuriy S. *Pesni revolyutsiy* [Elektronnyy resurs] // *Vremya Z*. 2012. № 2. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/57902/> (data obrashcheniya: 13.11.2017).
10. Lepakhin V. Ikonichnyy obraz svyatosti: prostranstvennye, vremennye, religioznye i istoriosofskie kategorii Svyatoy Rusi [Elektronnyy resurs]. Ch. I // *Pravoslavie.ru : internet-zhurn*. 2005. 18 iyun. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (data obrashcheniya: 13.11.2017).
11. Narochitskaya N. A. *Rossiya i russkie v mirovoy istorii*. — M. : Mezhdunar. otnosheniya, 2003. 536 s.
12. Obolenskiy A., kn. *Svyata li Rus'?* [Elektronnyy resurs] // *Novoe russkoe slovo*. — N'yu-York. 1994. 14 okt. S. 33—34. URL: http://krotov.info/libr_min/15_o/bo/lensky.htm (data obrashcheniya: 01.11.2017).
13. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoy*. 9-e izd., ispr. i dop. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1972.
14. Platonov O. A. *Svyataya Rus'* [Elektronnyy resurs] : entsiklopedicheskiy slov. russkoy tsivilizatsii. — Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii, 2000. URL: <https://eknigi.org/religija/114051-svyataya-rus-yenciklopedicheskij-slovar-russkoj.html> (data obrashcheniya: 17.10.2017).
15. P'etsukh V. *Nizkiy zhanr*. — M. : Zebra E, 2006. 749 s.
16. Sandomirskaya I. *Rodina v sovetskikh i postsovetskikh diskursivnykh praktikakh* // *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya*. 2004. № 2—3. S. 16—26.
17. Sandomirskaya I. I. *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik*. — Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 S.
18. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. T. 4 / sost. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin [i dr.] ; pod red. D. N. Ushakova. — M. : Russkie slovari, 1994. 754 s.
19. *Filosofskiy slovar'* [Elektronnyy resurs]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9#ixzz4yRKHMpnh (data obrashcheniya: 17.10.2017).